

СИНТАКСЕМЫ – НОСИТЕЛИ ПРЕДИКАТИВНОГО ПРИЗНАКА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Ванчикова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 25 января 2014 г.

Аннотация: в статье рассматривается возможность анализа подлежащего – носителя предикативного признака – как синтаксемы, имеющей свою синтаксическую позицию, морфологическое выражение и семантическую роль. Явления, ранее изучаемые в рамках семантического синтаксиса, получают новую трактовку в синтаксисе функциональном, объединяющем все виды синтаксисов. Синтаксема – носитель предикативного признака раскрывает все семантическое многообразие элемента в позиции подлежащего.

Ключевые слова: синтаксическая функция, функциональный синтаксис, предикативный признак, носитель предикативного признака, синтаксема.

Abstract: the article offers a method of analysis of the subject (possessor of the predicative feature) as the syntaxeme with its own syntactical position, morphological expression and semantic role. The facts earlier treated in terms of semantic syntax are approached from the point of view of functional syntax which unites all types of syntaxis. Syntaxeme-possessor of the predicative feature demonstrates semantic diversity of an element in the position of the subject.

Key words: syntactical function, functional syntax, predication feature, possessor of predicative feature, syntaxeme.

Система членов предложения, являющаяся наследием формально-логического подхода к языку, остается базовым понятием грамматики любого языка. Одно из главных мест в этой системе занимает подлежащее. Большинство определений подлежащего оказываются семантическими: подлежащим называют член предложения, выражающий субъект [1, с. 478; 2, с. 207]. Здесь есть определенное противоречие, поскольку субъект – категория понятийная, а подлежащее – грамматическая. «Толкование подлежащего через понятие субъекта есть объяснение одного неизвестного через другое, поскольку само понятие субъекта оказывается размытым и нечетким» [3, с. 71].

Если говорить о семантической функции подлежащего, то далеко не всегда оно обозначает исполнителя действия, носителя состояния или признака. Еще в конце XIX в. грамматисты сомневались в определяющей роли подлежащего: «Мало ли на свете заблуждений держались не только века, а тысячелетия, и теперь никто им не верит. Было время, когда говорили, что солнце вертится вокруг земли, однако теперь каждый грамотный признает противное... Многие педагоги, может быть, долго будут читать подлежащее, как бога-громовника, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну, и благо им!» [4, с. 13]. Спор вокруг подлежащего продолжается уже более века. На современном этапе развития лин-

гвистики приходится констатировать, что «термин *подлежащее* прожил почтенную и долгую жизнь» [5, с. 361], но жизнь эта заканчивается.

Традиционная французская грамматика всегда рассматривала грамматическое подлежащее в тесной связи с глаголом: «responsable de l'action faite, victime de l'action subie ou cadre de l'état» [6, p. 462], т.е. подлежащее либо совершает действие, либо испытывает действие, либо находится в каком-либо состоянии. Но это не всегда так, поскольку подлежащее во французском предложении может не обозначать ни первое, ни второе, ни третье: *Il pleut*. Несмотря на то, что безличное местоимение не вписывается в традиционное определение подлежащего, оно им является, следовательно, основным критерием грамматического подлежащего служит его согласование со сказуемым. Синтаксическая идентификация подлежащего включает пять характеристик. Во-первых, подлежащее является первым из двух элементов, необходимых для построения предложения; оно не может быть опущено и обычно предшествует глагольной группе. Во-вторых, подлежащее диктует глаголу согласование в лице и числе, а иногда и в роде. В-третьих, подлежащее является единственным элементом, который может быть выделен при помощи репрезентативной конструкции *c'est ... qui*. В-четвертых, подлежащее принадлежит к категории именных конститuentов. В-пятых, при трансформации активной конструкции в пассивную подлежащее становится агентивным дополнением [7, с. 129–130]. Именно такая синтак-

сическая характеристика подлежащего определяет его как грамматическое подлежащее.

К отказу от традиционных понятий подлежащего и сказуемого призывал Л. Теньер, считая их пережитками эпохи, когда вся грамматика была построена на логике [8, с. 118]. В соответствии с его вербоцентрической теорией ядром предложения является предикат, а подлежащее и дополнения заменяются на первый, второй и третий актанта. В дальнейшем теория Л. Теньера развивается лингвистами и понятия первого, второго и третьего актанта уступают место различным глубинным падежам (семантическим ролям).

Попытки выделения логического и психологического подлежащего свидетельствуют не о различных видах подлежащего, а о невозможности определить через подлежащее все многообразие элемента, находящегося в синтаксической позиции данного члена предложения. Так, логическое подлежащее – это субъект действия, который может производить действие или находиться в каком-либо состоянии. Наглядным примером того, что логическое подлежащее – это не подлежащее в собственном смысле слова, может послужить предложение русского языка *Мне больно*, где местоимение в форме дательного падежа и является субъектом, испытывающим определенное состояние, т.е. оно может быть названо логическим подлежащим, но грамматическим подлежащим местоимение в косвенном падеже быть не может. Другими словами, логическое подлежащее – это семантическое подлежащее (*sujet sémantique*), выполняющее различные семантические роли. В классификации М. Вильме подлежащему присущи роли агенса (*agent*): *Pierre amuse Marie*, пациенса (*patient*): *Pierre amuse Marie (Il est ridicule)*, бенефактива (*bénéficiaire*): *Pierre a touché son cachet*, инструмента (*instrument*): *Une balle a cassé la vitre*, предмета, подвергающегося воздействию (*siège*): *La vitre tremble*, места (*locatif*): *Paris embaume au printemps*, времени (*temps*): *L'été fut torride à Paris*, объекта (*objet*): *La vitre s'est brisée* [6, p. 462]. А. Мартине, не используя самого понятия «семантическая роль», наделяет подлежащее следующими содержательными характеристиками: агенса (*agent*): *L'enfant ouvre la porte*, экспериенсив (*expériment*): *L'enfant reconnaît la porte*, объект (*objet sémantique*): *Le passant reconnaît l'enfant*, инструмент (*instrument*): *La clé ouvre la porte* [9, p. 15].

Во французском языке грамматическое и логическое (семантическое) подлежащие зачастую совпадают, например *Le soleil brille*, что объясняется преобладающим прямым порядком слов. Однако и во французском языке есть конструкции, в которых грамматическое подлежащее не является субъектом действия: *Il passe deux trains par heure. Le signal du début de la fête sera deux coups de gong*. Если грамма-

тическими подлежащими являются слова *il* и *le signal*, то логическими будут являться *deux trains* и *deux coups de gong*. Таким образом, логическое, или семантическое подлежащее – это семантическая роль элемента, находящегося в синтаксической позиции подлежащего.

Проследить за функционированием грамматического подлежащего позволяет топикализация (*topicalisation*) – явление расширения семантической значимости заинтересованного лица [10, с. 450], которая различает грамматическое подлежащее в трех залогах: активном, пассивном и возвратном. В активном залоге грамматическое и логическое подлежащее выражено в одном слове, хотя его семантические роли могут быть различны: *Pierre chasse le lièvre* – агенс, *Pierre a reçu des coups de sifflet* – пациенс. Пассивный залог наделяет логическое подлежащее функцией грамматического подлежащего, но лишает его роли семантического субъекта: *Le lièvre est pourchassé (par Pierre)*. Возвратный залог соединяет функции логического и грамматического подлежащего, не лишая его роли агенса, дополнительно наделяет подлежащее ролью пациенса: *Pierre se lave / se bat*; т.е. возвратная топикализация может быть активной и пассивной. Кроме трех залогов, существуют залоговые отношения, которым свойственна топикализация подлежащего. Безличная топикализация свидетельствует о наличии грамматического подлежащего и отсутствии логического: *Il se passe des choses*. Фактитивная топикализация совмещает в логическом подлежащем грамматическую функцию и роль производителя действия: *Pierre fait chanter Marie* [6, p. 464–470]. Топикализация подлежащего еще раз наглядно показывает, что слово, имеющее грамматическую функцию подлежащего, настолько разнообразно по своей семантике, что называть его просто подлежащим было бы неверно.

Подлежащее имеет свою грамматическую семантику, определяемую с помощью признака – сказуемого, т.е. подлежащее является **носителем предикативного признака**. Под носителем предикативного признака понимается субъект предложения, компонент основных предикативных отношений. Несовпадение подлежащего (синтаксической единицы) и субъекта (семантической единицы) привело к отдельному изучению двух структур предложения: синтаксической и семантической. На синтаксическом уровне изучались основные и второстепенные члены предложения, а на семантическом – предикат с аргументами. Однако в процессе общения предложение функционирует как единая структура, и исследования последних лет создают возможность интегрального изучения предложения, без разделения его на уровни. Создана единица, объединяющая разноуровневые средства: морфологию, семантику и синтаксис – **син-**

таксема. Она является минимальной единицей синтаксиса, который становится функциональным. Функциональность синтаксиса заключается в его интегральном характере, возможности изучать его единицы, не разделяя предложение на различные уровни. Функциональный синтаксис объединяет в себе структурный и семантический синтаксисы, ранее изучаемые раздельно.

Термин «синтаксема» предложен А. М. Мухиным в начале 60-х гг. прошлого столетия. Он был создан по аналогии с фонемой для возможности применения в синтаксисе методики, сопоставимой с методикой фонемного и морфемного анализа. По мнению А. М. Мухина, новая единица представляет единство двух сторон – формы (синтаксической) и содержания, т.е. она объединяет синтаксические элементы в качестве ее вариантов, выполняющих смысловозначительную функцию в языке и характеризующихся определенными дистрибутивными (синтаксическими) признаками. Следовательно, варианты синтаксем обладают двумя лингвистическими значениями: *синтаксическим*, выявляемым через структурные связи противостоящих друг другу синтаксем, и *лексическим*, свойственным синтаксическому элементу независимо от его отношения к другим элементам в синтаксической структуре языка [11].

Синтаксема широко используется в концепции Г. А. Золотовой. Под синтаксемой понимается минимальная, далее не делимая семантико-синтаксическая единица, выступающая как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений [12, с. 72], т.е. это первичная, элементарная единица синтаксиса, базирующаяся на тройственном критерии: единстве семантики, морфологии и синтаксиса [13, с. 20]. Под семантикой понимается категориально-семантическое значение синтаксем, морфология отражается в морфологическом облике синтаксем (например, объединение предлога, артикля и имени существительного), синтаксический критерий реализуется в наборе синтаксических функций (синтаксем, находящиеся в позиции подлежащего, сказуемого, дополнения и т.д.).

Синтаксема как функциональная синтаксическая единица существенно отличается от члена предложения и по определению А. М. Мухина [14, с. 12–13] является синтаксической единицей-инвариантом, представленной в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элементами. Содержание синтаксем составляют синтаксико-семантические (синсемантические) признаки, которые проявляются в системе вариантов синтаксем и ее дистрибутивных особенностях (местоположение и позици-

онные возможности, сочетаемость с другими синтаксемами).

Данные определения синтаксем предполагают взаимодействие единиц трех уровней: морфологического, лексического и синтаксического, совокупность которых и обуславливает многостороннюю проблематику функционального синтаксиса.

Синтаксемный анализ предложения в корне отличается от синтаксического анализа по членам предложения. Синтаксические функции, базирующиеся в основном на формальных критериях, определяются только в синтагматическом плане языка, тогда как синтаксем, являющиеся синсемантическими единицами, принадлежат как синтагматическому, так и парадигматическому планам. Синтаксем могут быть противопоставлены одна другой в одной и той же синтаксической позиции, но в разных предложениях, а также, относясь к определенному типу, синтаксема может функционировать в разных синтаксических позициях. В отличие от синтаксем, член предложения не может находиться в разных синтаксических позициях, так как он выделяется на базе определенной синтаксической связи, и подлежащее не может стать зависимым компонентом.

Таким образом, синтаксема, в отличие от члена предложения, представляет собой новый тип единицы, отражающей взаимодействие морфологии, семантики и синтаксиса и необходимой для более глубокого анализа предложения.

Две существующие классификации – предикативного субъекта Г. А. Золотовой и синтаксем в позиции подлежащего А. М. Мухина, разработанные соответственно для русского и английского языков, в определенной степени могут быть полезны для исследования синтаксем, являющихся носителем предикативного признака во французском языке. Классификация А. М. Мухина дает четкое разграничение синтаксем на субстанциальные, процессуальные и квалификативные, однако синтаксическая позиция – подлежащего, сказуемого, зависимого компонента – непосредственно привязывает синтаксему к члену предложения; логично отказаться от синтаксической позиции подлежащего и вслед за Г. А. Золотовой [15, с. 5] рассматривать позицию предикативного субъекта, т.е. носителя предикативного признака.

Синтаксем носителя предикативного признака можно разделить, как и все синтаксем, на субстанциальные, процессуальные и квалификативные. На наш взгляд, семантическая характеристика таких синтаксем будет определяться набором семантических ролей, отражающихся в данной синтаксической позиции. Инвентарь семантических ролей у различных исследователей не совпадает [16, с. 414; 7, р. 125–126], но в любой классификации выделяются инвариантные роли, которые могут быть использова-

ны для идентификации содержательной характеристики синтаксемы: агентивные, экспериенсивные, объектные, инструментальные, каузальные и др. Данные названия синтаксем, коррелирующие с известными семантическими ролями (глубинными падежами, аргументами), применяются впервые и не встречаются в существующих классификациях синтаксем.

Субстанциальные агентивные синтаксемы носителя предикативного признака являются самыми распространенными в современном французском языке; они реализуются на базе одушевленных существительных, а также местоимений различных классов. Характерной чертой для такой синтаксемы является ее сочетаемость с акциональной синтаксемой предикатного признака и обозначение той или иной деятельности, свойственной людям: *Le Mar-seillais servit avec une précaution de sommelier britannique le nectar dans chaque verre* [17, p. 45]. Основные предикативные отношения в данном предложении оформлены субстанциальной агентивной синтаксемой (носитель предикативного признака) и процессуальной акциональной синтаксемой (сам предикативный признак). Субстанциальной агентивной синтаксеме носителя предикативного признака свойственна сочетаемость с объектными синтаксемами; в примере это субстанциальная объектная синтаксема зависимого компонента – *le nectar*. Наличие объектных синтаксем при процессуальных акциональных связано с переходностью (прямой и косвенной) или непереходностью глагола, обозначающего предикативный признак: *Elle grandit bien, ma petite* [18, p. 35]. Субстанциальная агентивная синтаксема в данном случае выражена местоимением.

Во французском языке процессуальная агентивная синтаксема может сочетаться с синтаксемой, выраженной неодушевленным существительным. Такое существительное персонифицируется; ему приписываются черты живого существа, поэтому сочетаемость такой синтаксемы с процессуальной агентивной является логичной: *Le soleil, de son côté, se jetait sur elles avec une avidité gourmande* [17, p. 27]. Солнце в рассматриваемом примере надделено человеческими чертами, оно действует как человек, следовательно, синтаксема носителя предикативного признака является агентивной.

Однако не всегда неодушевленное существительное в позиции подлежащего является носителем предикативного признака; иногда оно выражает сам предикативный признак: *Les danses reprendront* [18, p. 15]. Существительное *les danses* обозначает не субстанцию, а процесс, что наглядно видно из трансформации: *Les invités danseront*. В другом примере *Ariane est à nouveau amoureuse. L'amour prend la pensée et la prend toute* [18, p. 54] существительное

l'amour в синтаксической позиции подлежащего обозначает скорее всего не носителя предикативного признака, а сам признак: *L'amour prend sa pensée Elle est amoureuse*. Следует отметить, что есть определенное сходство между *Le soleil se jette sur elles* и *L'amour prend sa pensée*, которое заключается в персонификации подлежащего, однако возможность трансформации без изменения смысла высказывания только для второго примера доказывает, что синтаксическое подлежащее на самом деле выражает предикативный признак, т.е. является предикатом.

Субстанциальные экспериенсивные синтаксемы носителя предикативного признака обозначают лицо, находящееся в определенном психическом состоянии: радости – *Ariane jouit de ses dix-huit ans retrouvés* [18, p. 57]; удовлетворения – *Monsieur Armand se plaît dans son nouveau travail* [18, p. 120]; любопытства – *Elle regarde le monde avec un peu plus d'attention que les autres enfants* [19, p. 35]; ностальгии – *Monsieur Gomez a de la nostalgie* [18, p. 32]. Экспериенсивные синтаксемы могут быть выражены только одушевленными существительными, обозначающими как лиц, так и животных: *Elle (la chienne) leva sur son maître un regard d'amour* [19, p. 160]. Как показывает языковой материал, в основном экспериенсивные синтаксемы французского языка занимают синтаксическую позицию подлежащего, хотя носитель предикативного признака не всегда является подлежащим: *Entre mères, on peut se comprendre* [18, p. 40]. Подлежащим данного предложения является местоимение *on*, а носителем предикативного признака – существительное *les mères*: *Les mères peuvent se comprendre*. Соответственно, синтаксему носителя предикативного признака можно определить как субстанциальную экспериенсивную. Данный пример еще раз наглядно показывает, что синтаксема и член предложения – совершенно различные единицы.

Объектные синтаксемы носителя предикативного признака могут быть выражены как одушевленными, так и неодушевленными существительными. Такая синтаксема может сочетаться с процессуальной синтаксемой предикативного признака, выраженной пассивной формой глагола: *Je ne veux pas être pris par la police* [20, p. 78]; *L'orchestre, lui aussi, est atteint de langueur* [18, p. 15]. Объектные синтаксемы функционируют также с синтаксемами, выраженными прономинальными формами глагола: *L'incendie se voit de loin* [18, p. 113]; *Un cadeau ne se discute pas* [18, p. 12]; *Ce genre de test d'ADN ne se pratiquait pas il y a dix ans* [20, p. 78]. Трансформация депассивизации ставит субстанциальную объектную синтаксему в привычную для нее позицию – прямого дополнения: *On voit l'incendie de loin; On ne discute pas un cadeau; Il y a dix ans on ne pratiquait pas ce genre de test d'ADN*.

Содержательная характеристика **инструментальной синтаксемы** основана на семантической роли инструмента. В современном французском языке субстанциальные инструментальные синтаксемы носителя предикативного признака встречаются достаточно редко, чаще синтаксемы такого плана представляют собой зависимые компоненты основных предикативных отношений: *Elle ouvre son couteau et vide des noisettes* [19, p. 59]. Инструментальная синтаксема в данном примере выражена существительным с детерминативом *son couteau*: *Elle vide des noisettes avec un couteau*. Для того чтобы инструментальная синтаксема выражала носителя предикативного признака, необходимо трансформировать исходное предложение: *Son couteau vide des noisettes*.

Каузальные синтаксемы базируются на семантической роли, в данном случае причины (cause) – не одушевленной сущности, являющейся причиной какого-либо процесса, но в отличие от инструмента не контролируемой агенсом [7, p. 126]. Примеры субстанциальных каузальных синтаксем носителя предикативного признака: *Une porte qui claque l'épouvante* [19, p. 101]; *Leur silence, à eux, m'effraie davantage* [19, p. 107]; *Ah! L'excitation du froid piquant fait de mon nez un bonbon glacé!* [19, p. 94]. Трансформации исходных предложений не оставляют сомнений в наличии каузальной синтаксемы: *Il est épouvanté à cause du claquement de la porte; Je suis effrayé à cause de leur silence; Mon nez se transforme en bonbon glacé à cause du froid*. Каузальные синтаксемы носителя предикативного признака сочетаются с акциональными предикативного признака, и такая сочетаемость лежит в основе персонификации, поскольку признак каузальности свойственен неодушевленному существительному, признак акциональности коррелирует с агентивностью, характерной только для одушевленных существительных.

Своим названием **адресатная синтаксема** обязана семантической функции адресата. Во французском языке носитель предикативного признака может быть выражен адресатной синтаксемой в конверсивных конструкциях, образованных глаголами с противоположным значением: *vendre – acheter, envoyer – recevoir, dire – entendre*. Данным конверсивам свойственно значение обмена, которое обнаруживается при трансформации исходного предложения в конверсив: *A écrit une lettre à B – B reçoit une lettre de A*.

В текстах адресатная синтаксема носителя предикативного признака встречается обособленно от ядерного предложения, но контекст позволяет восстановить ситуацию, в которой адресат являлся субъектом действия. В конверсивной конструкции подлежащее становится адресатом, т.е. субстанциональной адресатной синтаксемой: *Pour les demi-finales, l'OM recevait l'équipe du PSG* [17, p. 31].

Таким образом, подлежащее, которое является носителем предикативного признака, можно рассматривать как синтаксему – трехуровневую единицу, объединяющую синтаксис, морфологию и семантику. Синтаксемный анализ включает не только синтаксическую позицию и морфологические особенности элемента, но и его содержательную характеристику, соотносящуюся с системой семантических функций и ранее изучаемую отдельно, в рамках семантического синтаксиса. Использование синтаксемы позволяет выйти на новый этап анализа предложения без разделения его на уровни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – Вып. 3. – С. 366–566.
2. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
3. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса / Ю. А. Левицкий. – М.: УРСС, 2002. – 234 с.
4. Дмитриевский А. А. Еще несколько слов о второстепенности подлежащего / А. А. Дмитриевский. – Воронеж: Тип. Губ. правл., 1879. – 13 с.
5. Никитина С. Е. Семантика термина «подлежащее» в отечественных и европейских словарях лингвистических терминов / С. Е. Никитина // Известия АН СССР ОЛЯ. – 1979, т. 38. – № 4. – С. 361–367.
6. Wilmet M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Paris: Duculot, 1998. – 704 p.
7. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Rioul. – Paris: PUF, 1994. – 646 p.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
9. Feuillard C. Le fonctionnalisme d'André Martinet / C. Feuillard // La linguistique. – Paris: PUF, 2001. – Vol. 37. – № 1. – P. 5–20.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X: Лингвистическая семантика. – С. 496–530.
11. Мухин А. М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица / А. М. Мухин // ФН. – 1961. – № 3. – С. 53–65.
12. Золотова Г. А. О «Синтаксическом словаре русского языка» / Г. А. Золотова // ВЯ. – 1980. – № 4. – С. 71–83.
13. Золотова Г. А. К проблеме соотношения семантики, морфологии и синтаксиса / Г. А. Золотова // Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всерос. науч. конф. 26–28 сент. 2001 г. / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 2001. – С. 19–20.
14. Мухин А. М. Функциональный синтаксис / А. М. Мухин. – СПб.: Наука, 1999. – 184 с.

15. Золотова Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

16. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса : от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Ванчикова Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка

E-mail: vanchik@sandy.ru

Тел.: (831) 436-47-39, 8-910-898-58-68

17. *Delfino J.-P.* Embrouilles au vélodrome / J.-P. Delfino. – Paris : Editions Métailié, 2002. – 171 p.

18. *Bobin Ch.* Tout le monde est occupé / Ch. Bobin. – Paris : Mercure, 1999. – 127 p.

19. *Colette.* Dialogue de bêtes / Colette. – Paris : Mercure de France, 1994. – 190 p.

20. *Nothomb A.* Cosmétique de l'ennemi / A. Nothomb. – Paris : Editions Albin Michel S.A., 2001. – 123 p.

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov

Vanchikova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of Theory and Practice of French Department

E-mail: vanchik@sandy.ru

Tel.: (831) 436-47-39, 8-910-898-58-68